

Шафранов-Куцев Геннадий Филиппович

академик РАО, научный руководитель
Тюменского государственного университета,
г. Тюмень, Российская Федерация
g.f.kucev@utmn.ru

Социально-демографические проблемы заселения и освоения Сибири

Аннотация. В статье рассмотрены основные социально-демографические проблемы заселения и освоения Сибири в ретроспективе и в настоящее время. Обоснована правомерность анализа Сибири как макрорегиона. Приводятся сравнительные данные состояния сибирского социума с Российской Федерацией в целом. Показана значительная неравномерность заселения Сибири, демографические особенности развития городских поселений особенно в регионах нового освоения. Проанализированы социально-экономические риски, с которыми сталкивается макрорегион в настоящее время. На основе анализа статистических данных делается вывод о депопуляции населения макрорегиона Сибири в последние два десятилетия. Показано, что настоящий этап освоения Сибири может быть успешным лишь при условии формирования эффективной политики регионального саморазвития с опорой на собственные демографические, финансовые, интеллектуальные ресурсы. На основе социологических исследований описаны особенности трудовых миграционных процессов в Сибири, уровень «укорененности» её населения. Особое внимание уделено формированию учительского корпуса в школах Крайнего Севера, предложены рекомендации по регулированию миграционных процессов в арктической зоне на новом этапе её освоения.

Ключевые слова: Сибирь; трудовая миграция населения; освоение территории; «укорененность» населения; маятниковая миграция; регулирование миграционных процессов; регион нового освоения; социология региона; социология города; качество жизни, антидепопуляционная политика

Gennady F. Shafranov-Kutsev
Academician, Russian Academy of Education,
Research Supervisor of Tyumen State University,
Tyumen, Russian Federation
Shafranov-kutsev@utmn.ru

Socio-demographic problems of inhabiting and development of Siberia

Abstract. The article discusses the main socio-demographic problems of inhabiting and development of Siberia in retrospect and at present. Siberia is legitimately regarded as a macro-region. Statistical data on the state of the Siberian populace is being analyzed upon the background the Russian Federation records as a whole. The author demonstrates significant discrepancies in the number of Siberian settlements inhabitants, focusing upon demographic features of urban population, especially in the recently developing regions. In addition, the author analyses socio-economic risks that the macro-region is currently facing. Based on the

analysis of statistical data, a conclusion is drawn about the depopulation of the macro-region of Siberia in the last two decades. The article reveals that the success in the present stage of Siberia growth can be achieved only if an effective regional self-advance policy based on its own demographic, financial, and intellectual resources is elaborated. On the basis of sociological research, the features of labor migration processes in Siberia, as well as the level of “rootedness” of its population are described. Particular attention is paid to the attraction of teachers to circumpolar schools, recommendations are proposed for regulating migration processes in the Arctic zone at the recent stage of its development.

Keywords: Siberia; labor migration; land development; “Rootedness” of the population; pendulum migration; regulation of migration processes; region of recent development; sociology of the region; sociology of the city; quality of life, “antidepopulation”

«Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением русского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей»

(М. В. Ломоносов)

Цель предпринятого исследования состоит:

- в рассмотрении процессов заселения и освоения Сибири, их исторических истоков и достигнутых результатов;
- изучении особенностей формирования её демографических ресурсов, как в XX веке, так и в условиях постсоветской социокультурной динамики;
- определении возможностей управления миграционными процессами для повышения «укорененности» населения, достижения устойчивости социально – экономического развития.

На просьбу журналистов оценить самый дерзкий проект современности отец-основатель Сибирского отделения Академии наук М. А. Лаврентьев отвечал: «Освоение Сибири и Дальнего Востока – мечта и дело России – от первых землепроходцев до наших современников» [Ключевский]. История России – как в прошлом, так и в настоящем, – история колонизаций, зачастую принудительных и насильственных. В. О. Ключевский отмечал: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» [Глазычев, 2003].

Рассуждения о том, что одна из отличительных особенностей российской истории заключалась в пространственной экспансии, переселении на новые территории содержатся в работах П. Я. Чаадаева, А. П. Щапова, М. П. Погодина, С.М. Соловьева и других исследователей отечественной истории. Это историческая примета и других сильных государственных образований. Назовём этот процесс колонизации, как принято в новейшей российской истории, «освоением».

Понятие «освоение» в русском языке происходит от слова «свой». В словаре В. Даля «освоить», означает – «сделать своим, обычным, обиходным» [Даль, 1998: 594]. Философы и социологи, анализируя новое освоение через социально-культурные процессы, соотносят его с актом реализации определённых жизненных ценностей на новом месте [Фёдоров, Ганопольский, 2011].

Уточним, что вкладывается в само понятие «освоение». Сибирь, как историко-географическое понятие, в самых широких границах включает в себя и северо-восток Казахстана и весь российский Дальний Восток [Общая информация..., 2020].

В современном административном делении Российской Федерации, «большая» Тюменская область с входящими в её состав двумя автономными округами, оставаясь частью сибирского географического пространства, отнесена к Уральскому Федеральному округу. Поэтому в социально-экономических исследованиях есть смысл использовать историко-географическое понятие «Сибирь», хотя бы потому, что как показывает история, географические термины не часто подвергаются такой трансформации, как территориально-административные, что приводит к большой путанице в научных и даже статистических данных.

Самым первым условием процессов нового освоения или колонизации является наличие свободных территорий – малозаселённых или вовсе незаселённых. Таковых было достаточно на востоке от центра расселения русского этноса. Западная Сибирь имеет самую большую историю русского освоения, здесь находится самый первый русский город – Тюмень, которому насчитывается 433 года от роду. Отсюда шло освоение Восточной Сибири, Дальнего Востока и даже Аляски. Именно здесь случились самые значительные военные столкновения с волной тюркской колонизации. Что касается специфики освоения и заселения Сибири то, в первую очередь, необходимо учитывать здешние громадные расстояния.

Расстояние от Москвы до Тюмени и Омска превышает – 2 тысяч километров, Новосибирска, Кемерово и Томска – 3, Красноярска и Абакана – 4, Иркутска – 5, и Улан-Уде и Читы – 6 тысяч километров. Такая удаленность, связана с высокими транспортными издержками, что значительно усложняет экономические связи Сибири с европейским центром, делая их в отдельных случаях практически невозможными.

Другим важным условием освоения новых территорий являются демографические ресурсы, то есть люди достаточно мобильные в территориальном смысле, с определенным менталитетом. Исследователи верно отмечают, что «Новые территории различных континентов в XVII – XIX столетиях осваивались в основном маргинальными слоями населения – безземельными крестьянами, религиозными «раскольниками», авантюристами, ссыльными преступниками всех мастей. Таким был состав первых поселенцев и в Сибири, и в Северной Америке, и в Австралии. Для этой «волны» искателей свободы и перемен были характерны жизнестойкость, предприимчивость, но при этом они не отличались законопослушностью и высоким уровнем образования» [Ефимов, Лаптева и др., 2015: 25].

Решение таких крупных геополитических задач, как освоение новых территорий, всегда и во всех странах требовало соответствующей государственной социально-демографической политики. Освоение Сибири во все времена носило достаточно целенаправленный характер. Организованные государством или стихийно возникавшие казачьи отряды, купеческие и научные экспедиции, начиная с XVI века, имели один главный ориентир – движение на восток. Новые территории с XVIII века российские власти использовали для уголовной и политической ссылки. В течение XIX века в Сибирь сослано более 800 тысяч человек [Простаков, 2020]. Конец XIX и начало XX века – ознаменовано столыпинскими реформами: переселение крестьян при государственной поддержке из густонаселенных районов Европейской части страны в Сибирь и Дальний Восток. В XX веке – это организованный набор в строительные и промышленные предприятия в сибирских районах освоения с относительно благоприятными природно-климатическими условиями, и система Гулаг на территориях с экстремальным климатом. В советское время, начиная с шестидесятых годов XX века, широкое распространение получили общественный призыв молодёжи, организованное формирование молодёжных отрядов, движение студенческих строительных отрядов, государственное распределение молодых специалистов, ударное строительство и т.п. Восточное плечо Байкало-Амурской магистрали строили воинские подразделения железнодорожных войск. В новое российское время не было реализации подобных крупномасштабных проектов нового освоения и потому не возникало необходимости в привлечении дополнительных трудовых ресурсов. Можно отметить из числа относительно новых форм привлечения населения в районы нового освоения: не совсем удачную государственную программу переселения соотечественников из стран Ближнего и Дальнего зарубежья и достаточно плотный поток мигрантов особенно из среднеазиатских республик бывшего Советского Союза, некоторых азиатских стран. Что мы имеем в сухом остатке?

В начале XX века в восточных регионах страны проживало менее 10 млн человек, в 1926 году – 12,3 млн человек, в 1979 году – 28,0 млн человек, в 1989 – 32,3 млн человек. Несмотря на военные потери и демографические последствия военного времени население Сибири и Дальнего Востока за шесть десятков лет прибавилось на 20 млн человек, что свидетельствует о достаточно высокой эффективности процессов нового освоения или точнее их заселения [Федеральная служба..., 2020].

Интересно сравнить демографические показатели особенно энергично осваиваемого сибирского региона – Тюменской области и Аляски, которые примерно одинаковы по своей территории и природно-климатическим условиям (1,435 и 1,718 млн кв. километров). Только в одной столице тюменского региона проживает 800 тыс. человек (2019 год). Это сравнимо с численностью населения самого северного американского штата – 731 тыс. человек (2019 год). Но на территории Тюменской области кроме столицы региона еще 28 городов, и большая часть из них сложились в период освоения нефтегазовых месторождений в 50 – 70 годы XX века. Правда, по

одному параметру Аляска заметно отличается от тюменского региона. Если в России, тем более в Тюменской области, вечная мерзлота занимает – 65 % территории, то на Аляске только – 38 %. Прибавьте к этому умеренный климат с незамерзающим океаном юго-западной территории американского штата [Агранат, 2002].

С начала девяностых годов XX века Сибирь и Дальний Восток начали заметно терять свое население. Уменьшение численности населения только за последние десять лет составило почти 2 млн человек по причинам снижения рождаемости, повышения смертности, увеличения миграции населения в юго-западные регионы страны. Как верно подмечает С.В. Соболева, чем ближе находится российский регион к границам с восточными соседями, тем больший миграционный отток населения здесь наблюдается [Соболева, Смирнова, 2014: 26].

Так при снижении общей численности населения России на (3,5 %) – с 148 млн человек в 1990 г. до 143,2 млн человек к 2012 г., население Сибирского федерального округа уменьшилось за тот же период на (8,8 %) – с 21,1 млн чел. до 19,3 млн чел., а Дальневосточного федерального округа еще больше на (22,3 %) – с 8,1 млн чел. до 6,3 млн чел [Федеральная служба..., 2020].

История освоения сибирского и дальневосточного регионов показывает, что её постоянно сопровождают дискуссии о целях её социально-экономического развития вплоть до выдвижения идей сепаратизма, областничества. Конечно, основные задачи освоения новых территорий решаются в соответствии с геополитическими, экономическими, социально-культурными задачами развития всего государства. Поэтому и финансирование процессов нового освоения происходит за счет государственного бюджета и крупных заинтересованных корпораций. Например, освоение Ямала в настоящее время идет за счет крупнейших российских госкорпораций таких как «Газпром», «Роснефть» и корпоративных «Новатэк» и др. Но крупные регионы не могут осваиваться равномерно: одни районы только начинают осваиваться и заселяться, создавать транспортную инфраструктуру, другие переходят на этап комплексного развития с принципиально иным набором целевых программ и новых возможностей. Затягивание с таким переходом всегда заметно сказывается на развитии новых городов, их экономики и социальной инфраструктуры, определяет демографическую структуру, направления и темпы трудовых миграционных процессов⁵⁹⁹.

Не может и не должен новый город, качающий ежегодно десятки миллионов тонн нефти или десятки миллиардов кубометров природного газа, быть дотационным, где городской бюджет не сводит концы с концами. В такой ситуации власти города, его население не могут быть объективно заинтересованы в эффективном социально-экономическом развитии, решении текущих, а тем более перспективных проблем. Ведь

⁵⁹⁹ Автор в течение нескольких десятилетий отслеживал процессы формирования новых городов в районах освоения Западной и Восточной Сибири, что нашло свое отражение в многочисленных научных публикациях: [Куцев, 1977], [Куцев, 1982], [Куцев, 1989].

далеко не случайно, что большинство новых городов в районах освоения оказались в списке неблагополучных в экологическом отношении поселений. Уже только одна только экологическая ситуация может стать главной причиной высокой обратной миграции. По этому поводу к месту привести стихи В. Маяковского, адресованные строителям Новокузнецка. «Я знаю город будет, я знаю саду цвезть». И вырос с чистого листа новый город, который оказался в числе самых загрязненных городов России [Жить тут невозможно..., 2019].

Аналогичную остроту приобретают противоречия между интересами крупных корпораций и осваиваемых территорий. В политике хозяйственного освоения корпорациями регионального пространства реализуется принцип «территория для производства, а не производство для территории». За ними закрепляется не только функция освоения ресурсов, но и распределения полученных от этого эффектов. Они выступают «идеальными инструментами для проведения в отношении регионов политики, очень напоминающей отношения метрополии и колоний» [Нефедкин, 2013].

На определенном этапе процессов освоения должна формироваться политика регионального саморазвития с опорой на собственные демографические, финансовые, интеллектуальные ресурсы. Это необходимая логика, алгоритм освоения любой территории нового освоения. В противном случае могут появляться рецидивы автономии, экономического сепаратизма.

Подобные попытки предпринимались и в историческом прошлом, и новейшей истории России. Так, идеи «областничества» – экономического сепаратизма и особого статуса Сибири – возрождаются и становятся популярными особенно в периоды реформ и революций. В последние годы становление реального федерализма, расширение законодательных полномочий субъектов РФ, договорного межрегионального сотрудничества сибирских регионов серьезно размыли идеологическую базу этого течения, однако подобные общественные настроения еще сохраняются, что находит проявление и в многочисленном оттоке населения из Сибири.

Конечно, рассуждать о сибирском сепаратизме в современных российских условиях, по меньшей мере, несерьезно. Но вопросы формирования менталитета, привлечения и закрепления населения в Сибири, особенно на Дальнем Востоке остаются. Полагаем, что неверно исходить из позиции, что в Сибири должны быть лучшие условия жизни, чем в остальной России. Важнее ответить на вопрос, кто и на какие ресурсы осваивал и осваивает Сибирь, прозрачней показывать место региона в «общенациональном караване», а не противопоставлять себя, придерживаясь позиции «это к нам привалила Россия». Но с другой стороны, нельзя и преуменьшать роль и значимость Сибири, ни в коем случае не допускать снижения уровня жизни местного населения. Без компенсации трудностей, дополнительных затрат на жизненное обустройство в экстремальных природно-климатических условиях не получается целенаправленного управления миграционными процессами, которое в последние десятилетия приобретает особую значимость.

По мнению академика А. Г. Аганбегяна, наибольшая доля бедного населения России сосредоточено как ни странно в Сибирском Федеральном округ. Если в целом по Российской Федерации сейчас – 13 % населения имеют доходы ниже прожиточного уровня, то в Сибири 18 – 20 % [Аганбегян, 2017: 68].

Среди заметных социально-экономических рисков, с которыми сталкивается Сибирь, необходимо особенно выделить миграцию населения "юг – восток" из стран СНГ, что резко изменяет "этническую мозаику" и заметно снижает социокультурный, культурно-технический потенциал населения Сибири; трудности адаптации «пришельцев» с юга к социокультурным факторам, нежелание воспринимать культуру, традиции местного населения усиливают маргинализацию региона, вызывает избыточное социальное напряжение, а также обостряет конкуренцию на рынке труда.

В результате «замещающей» миграции населения с юга на восток происходит неадекватный обмен рабочей силы, квалифицированных кадров на фоне формирования национальных и религиозных замкнутых сообществ, в которых преобладают клановость, групповая солидарность и оживляются кризисные явления, осложняется выполнение намеченных социально-экономических программ Сибири» [Пузиков, 2014].

Одной из самых острых геополитических проблем России, в том числе и сибирских регионов, является сдвиг населения в юго-западном направлении, хотя основные ресурсы (кроме сельскохозяйственных) сконцентрированы в северо-восточном направлении. Распределение населения по основным широтным зонам Сибири сложилось следующим образом: Южная Сибирь, занимая – 20 % территории, сконцентрировала – 80 % сибирского населения. Ближний Север (территория к северу от основной полосы расселения), занимает – 18,5 % территории Сибири, где проживает – 12,7 % её населения, Дальний Север (огромные малообжитые таежные и тундровые пространства) – 61,6 % сибирской территории, где проживает всего – 7,4 % сибиряков.

Еще большие трудности складываются при активном освоении громадных арктических территорий. Ведь южная граница Арктики совпадает с южной границей тундры и поэтому Русская Арктика занимает 2,2 млн кв. км. территории [Северная энциклопедия, 2004: 42].

Здесь проживает 2,2 млн человек, Арктический вклад в ВВП России оценивается в (12 – 15 %), на долю Арктики приходится четвертая часть российского экспорта. Для полноты картины следует добавить 9,46 млн кв. км. континентального шельфа, с богатейшими природными ресурсами, закрепленного за Россией [Барсегов, 2002].

Россия осваивает арктические территории уже несколько столетий, переходя от «мягкой рухляди», даров тайги, тундры к добыче цветных металлов, алмазов, что можно было наладить трудом временного населения, вахтовиков, зимовщиков, экспедиционщиков и т.п. Переход к масштабному освоению гигантских месторождений природного газа, газового конденсата даже при применении инновационных технологий потребует многократно больше привлечь

квалифицированных трудовых ресурсов, которые надо будет трудоустроить на временной основе. Для этого потребуется разработка специальных программ привлечения и закрепления населения.

Большая часть сибирского населения проживает в Южной Сибири (что располагается южнее линии вечной мерзлоты) в регионах с относительно благоприятными природными условиями. Здесь уже сформировались города с миллионным населением (Новосибирск, Омск, Красноярск), складываются урбанизированные агломерации (Кемеровская, Иркутская, Канско-Ачинская, Сургутская, Саянская, Иркутско-Черемховская и др.)

Основной особенностью системы расселения в районах нового освоения Сибири остаётся формирование малых и в редких случаях больших городов, что вызывается спецификой освоения расположенных здесь природных ресурсов. Из 24 городов, сформировавшихся в результате освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири только четыре можно отнести к числу больших (Сургут, Нижневартовск, Новый Уренгой, Ноябрьск), а все остальные находятся в группе малых городских поселений со всеми их малыми и большими проблемами. Такие города, где в основе единственное (даже крупное и уникальное) градообразующее предприятие, оказываются слабо защищенными в условиях периодических кризисных явлений в экономике. Они нуждаются в государственной финансовой поддержке.

Не в лучшем положении оказываются и большие города в районах нового освоения. Здесь главная беда – недостаточная проработанность долгосрочных прогнозов развития новых промышленных центров. Например, проект первой очереди города, как правило, определяет перспективу в 5–10 лет. Так первый генеральный план города Братска появился в 1958 году, то есть спустя четыре года после начала строительства. Первоначально город планировался на 60 тыс. населения в основном для обслуживания самой мощной для того времени гидроэлектростанции. Уже после утверждения генерального плана принято решение о строительстве в этом районе на базе мощного источника дешёвой электроэнергии крупнейшего в стране лесопромышленного комплекса, и перспективная численность населения прибавлялась в три – четыре раза. Решение о строительстве алюминиевого завода послужило основанием для разработки третьего генерального плана города. Затем появляется решение о строительстве мощного завода отопительного оборудования. За двадцать лет появился четвёртый генеральный план города [Куцев, 1982: 134]. Так формировался не очень ладный, но большой город, разбросанный на сотню километров с множеством экологических, социально-инфраструктурных, экономических и прочих проблем. Если вопросы с формированием генеральных планов новых городов были немалые в условиях плановой экономики и государственного финансирования нового градостроительства, то можно себе представить, насколько все эти проблемы обострились в условиях рыночной экономики.

Заметным демографическим явлением освоения новых территорий особенно в высоких широтах является высокая миграционная активность населения, в том числе и обратная. В чем заключаются причины такой миграции?

Как показывает статистика, на новых местах закрепляется меньше половины новосёлов, многие уезжают по самым различным причинам уже на первом году проживания. Понятно, что такая обратная миграция очень затратная для государства, нового города, его строек и предприятий. Размеры такой миграции и основные её последствия анализировались нами в рамках социологического исследования в Ямало-Ненецком автономном округе – в регионе интенсивного нового освоения⁶⁰⁰. Изучались образ и качество жизни учительского корпуса ЯНАО, где в настоящее время в связи с освоением газовых месторождений активно идут процессы нового градостроительства, транспортной инфраструктуры.

Интересно проанализировать «укорененность» населения, которую можно определить по числу лет проживания на одном месте. На территории нового освоения – Ямал – только пятая часть населения проживает здесь больше четверти века, их уже можно считать старожилами, коренными жителями. В среднем по России – 64 % взрослого населения проживает на одном месте больше 25 лет, на юге Тюменской области относительно освоенном регионе – 53 %, а на Ямале только – 20 % [Андрианова, Арбитайло и др., 2015: 29].

Значительно большая подвижность населения Сибири просматривается при ответах на вопрос «Вы здесь родились или приехали из другого региона страны?». В целом по России взрослое население ответило: половина проживает в том же городе (55 %), поселке, регионе где родились, на Ямале таких людей в два раза меньше – (22 %), то есть для (78 %) здешнего населения Ямал является новым местом жительства.

Крупномасштабное освоение значительной малозаселенной территории всегда сопровождается серьёзными демографическими сдвигами, интенсивными миграционными процессами. Организация повседневной жизни новоселов осложняется десятками больших и малых социальных проблем, важнейшая среди которых – формирование практически с нуля системы общего и профессионального образования. Возможность новоселу самому получить профессиональное образование, повысить профессиональную квалификацию, дать хорошее образование своим детям – важнейшие ценности новопоселенческого образа жизни, предмет заботы муниципальных властей.

⁶⁰⁰ Опрос осуществлялся посредством анкетного опроса в печатном виде, а также через сеть Интернет. Сроки: март – июль 2016 года. Генеральная совокупность – 4830 учителей Ямало-Ненецкого автономного округа (по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ямало-Ненецкому автономному округу на конец 2014 года). Выборочная совокупность – 680 респондентов. Стандартная ошибка выборки – 3,55 % (расчёт по формуле В. И. Паниотто), что свидетельствует о необходимой достоверности полученных данных. Метод отбора выборочных единиц – бесповторный, в зависимости от количества ступеней отбора вид выборки – одноступенчатая выборка. Тип выборки: квотная с репрезентацией по полу и стажу педагогической работы.

Параллельно с созданием материально-технической базы учебных заведений приходится с нуля формировать квалифицированные педагогические коллективы. И если в организации строительства и промышленного производства во многих случаях можно вынуждено пойти по пути отработанных схем использования вахтово-экспедиционного метода, привлекая высококвалифицированные кадры рабочих и инженеров из обжитых регионов, то в организации образования возможен только вариант штучного подбора и приглашения специалистов нужного профиля и квалификации. Он стал единственно возможным после отмены государственного распределения выпускников профессиональных учебных заведений, который был палочкой – выручалочкой в командно-административной системе управления.

На Ямале до сих пор отсутствуют учреждения высшего образования, кроме нескольких филиалов вузов, организована подготовка педагогов лишь со средним профессиональным образованием. И конечно, основным путем формирования педагогического корпуса могут стать только индивидуальные приглашения, в том числе и жителей автономного округа, обучавшихся в вузах по направлению местных властей. В современной школе с её технологическими новациями и требованиями федеральных стандартов без педагогов с высшим педагогическим образованием не обойтись. Правда, иногда (в безвыходных ситуациях) приходится приглашать специалистов с высшим образованием любого профиля.

Похожая ситуация складывается и по другим группам интеллигенции: врачам, работникам социальной сферы – они тоже формируются за счет миграционных потоков.

Последствия массовых миграционных сдвигов можно проследить на примере учительства – самой массовой группы интеллигенции, сроков их проживания на Крайнем Севере, путей миграции, сложностей их адаптации, миграционных настроений и т.п. По результатам нашего социологического исследования только (14 %) учителей ямальских школ относят себя к коренным жителям Ямала, (76 %) к приезжим, проживающим постоянно и (7 %) приезжих, проживающих временно. Представляет интерес и распределение ответов респондентов на вопрос «Сколько поколений Вашей семьи проживает на Крайнем Севере?». Самая большая группа северян (56 %) отнесла себя к первому поколению северян (первое поколение северян), два поколения – 30 % («первыми приехали их родители»), три поколения («первыми приехали их бабушки и/или дедушки») – 7 %, четыре и более поколений – 8 % [Шафранов-Куцев, Ефимова и др., 2016: 105].

Основным фактором, определившим выбор респондентом места работы в Ямало-Ненецком автономном округе стал «более высокий уровень оплаты труда» (63 %). На Крайнем Севере проживали родители трети респондентов и они приехали сюда по «семейной традиции». В качестве «возможности испытания себя» приехали работать на Крайний Север – 29 % педагогов. Значительно менее влиятельными стали такие факторы как: «Интерес к экстремальным условиям жизни и работы» (11 %), «Интерес к этнокультуре народностей Крайнего Севера» (7 %), «Направление на

работу органами управления образованием» (5 %), «Интерес к обучению детей тундровиков» (4 %) [там же].

Оценивая уровень «укорененности» населения важно проанализировать ответы на вопрос «Повторяют ли поколения Вашей семьи цикл "миграция на север – миграция с севера?"», своего рода многолетнюю маятниковую миграцию. Для 41 % опрошенных учителей – это привычная миграционная схема [там же].

Полученная нами в 2016 году социологическая информация показывает, что доля учителей, планирующих после выхода на пенсию проживать на территории округа в два раза выше численности коренных северян. Это свидетельствует о том, что положительная тенденция «укоренения» приезжего населения заметно усиливается. Причем в этих многолетних миграционных процессах имеются некоторые неожиданности. Если в настоящее время среди опрошенных учителей из южной части Тюменской области (эта область простирается от границы с Казахстаном до Северного Ледовитого океана, от субарктических территорий на севере до лесостепных и степных районов на юге) переехали на Крайний Север – 12 % учителей, то планируют после выхода на пенсию переехать на юг Тюменской области на постоянное место жительства в два раза больше – 24 %. Такие настроения ямальских учителей формируются в результате реализации региональными властями на основе программы «Содружество», значительных по объему градостроительных проектов для переселения северян в регионы с относительно благоприятными природно-климатическими условиями.

В настоящее время биологическая и медицинская наука достаточно полно исследовала влияние, воздействие северного климата на здоровье человека [Дьякович, Рукавишников, 2013], его переселение в районы с резкими отличиями в климате, например, южные районы России. Если адаптация мигрантов к северным условиям наиболее успешно происходит в молодом возрасте, с хорошим в основном состоянием здоровья, то к пенсионному возрасту (хотя он и снижен на пять лет для северян) местные природно-климатические условия (низкие температуры, световой и радиационный режим, нехватка кислорода, витаминов из овощей и фруктов) делают своё дело и основные показатели здоровья объективно снижаются, что может осложнять адаптацию к условиям жизни в других регионах [Югра – взгляд в будущее, 2006].

Академик В. П. Казначеев считает наиболее целесообразным «оседлое» освоение северных территорий, где повышение качества жизни населения потребует улучшения систем жизнеобеспечения, в том числе, развития транспортной инфраструктуры [Башалханова, 2008].

Есть над чем поразмышлять, учитывая накопленный опыт адаптации миллионных потоков людей, вовлеченных в миграционные процессы. Надо не только создавать необходимые условия для привлечения населения в районы нового освоения установлением социальных льгот типа повышенного районного коэффициента. Такая практика подталкивает северян к образу жизни, нацеленному на отложенный спрос,

накопление финансовых ресурсов для отъезда и устройства в обжитых регионах страны.

К примеру, при определении градостроительных нормативов для городов и поселках в высокоширотных районах нового освоения требуется большее внимание к созданию закрытых помещений для организации досуга северян. Из-за ограниченных возможностей пребывания на открытом воздухе у городского населения на Крайнем Севере иначе чем у горожан в областях с лучшим климатом складывается структура их свободного времени.

В нашем социологическом исследовании на Ямале в фокус-групповых беседах и анкетном опросе школьные педагоги, характеризуя свой образ жизни, чаще всего указывают на именно ограниченный круг общения, недостаток учреждений культуры и спорта.

На основе полученной социологической информации можно сделать выводы о необходимости на научной основе управлять миграционными потоками. Пока эти процессы происходят во многом стихийно. К примеру, в последние годы северяне, проживая и работая в высоких широтах, покупают жилье в городах юга Сибири, где проживают и получают образование их подросшие дети. Получив профессиональное образование, они находят работу в северных городах, а родители, оставляя свою северную квартиру детям, перебираются в южные районы Сибири. Так складывается уже два поколения с опытом проживания на сибирской земле. В Западной Сибири проложена меридианная железнодорожная магистраль вдоль восточного склона Уральских гор. Столица региона Тюмень связана прямым авиационным сообщением со всеми городами Среднего Приобья и Ямала. Развитые транспортные коммуникации во многом связаны с вахтово-экспедиционным методом освоения северных регионов Сибири, миграционными перемещениям местного населения, использованием южной Сибири для рекреационного отдыха, лечения и т.п. Такой характер миграционных перемещений населения особенно широко развивается с связи с выходом активного освоения в арктическую зону России.

Таким образом, можно сделать вывод, что в последние десятилетия обозначилась явная тенденция депопуляции населения Сибири. Она не соответствует долгосрочным планам развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока, особенно при условии переориентации региональной экономики на Китай и страны Юго-Восточной Азии. Это потребует новой государственной политики в отношении регионов нового освоения. В этой политике необходимо разумно сочетать накопленный опыт управления демографическими процессами в прошлом веке и новые подходы к управлению миграционными процессами. Есть смысл вернуться к практике масштабных научно-практических мероприятий 50–60 годов XX века по развитию производительных сил восточных районов страны. Потребуется институциональные изменения в практике управления. Многие новации из антидепопуляционных мероприятий в настоящее время внедряются в Дальневосточных Федеральном округе («дальневосточный» гектар, ипотечное кредитование новоселов,

министерство по делам Дальнего Востока и др.). После оценки эффективности таких мероприятий они могут использоваться и в других регионах Сибири.

Что касается привлечения и закрепления учителей, врачей, социальных работников особенно организаций бюджетной сферы, есть смысл вернуться к практике государственного распределения молодых специалистов, целевого приема абитуриентов за счет местных бюджетов.

Библиографический список

Аганбеян А. Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России. ЭКО. 2017. 47(9). С. 66–84.

Агранат Г. А. Аляска новая модель развития ресурсного региона [Электронный ресурс] 1sept.ru: [веб-сайт]. URL: <http://geo.1september.ru/articles/2002/37/02> (дата обращения: 01.12.2019).

Андрианова Е. В., Арбитайло И. Я., Ахмедзянова Р. М. и др.; науч. ред. Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области [Текст]: коллективная монография / Российская Федерация, Министерство образования и науки, ФГБОУ ВПО Тюменский государственный университет, Тюменская областная дума. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2015. 357 с.

Барсегов Ю. Г., (рук. проекта), Корзун В. А., Могилевкин И. М. (отв. ред.) и др. Арктика: интересы России и международные условия их реализации /авт. кол.: – М.: Наука, 2002. 356 с.

Башалханова Л. Б. Влияние климата на жизнедеятельность населения в регионах восточной Сибири // География и природные ресурсы. 2008. № 1. С. 128–233.

Безруков Л. А. Новые возможности пространственного развития Сибири // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2015. № 2. С. 39–51.

Бойко В. П. Роль Московско-Сибирского тракта в хозяйственном и культурном развитии Сибири XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2012 – № 2 (18). С. 45–48.

Глазычев В. Дилемма развития // Со-Общение. 2003. № 6 [Электронный ресурс] glazychev.ru: [веб-сайт]. URL: http://www.glazychev.ru/publications/interviews/2003-06_30_interview_dilemma_razvitiya.htm (дата обращения: 10.12.2019).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 11, 1998. 896 с.

Дьякович М. П., Рукавишников В. С. Социальное самочувствие и связанное со здоровьем качество жизни населения восточной Сибири // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2013. № 5–6. С. 35–39.

Ефимов В. С., Лаптева А. В., Ефимов А. В., Вчерашний П.М. Политика наращивания человеческого капитала Сибири и Дальнего Востока. // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2015. № 2. С. 28–38.

Жить тут невозможно: самые загрязненные города России [Электронный ресурс] // Газета.ру: [веб-сайт] URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/07/19/12509503.shtml> (дата обращения: 01.12.2019).

Калугина З. И. Потери человеческого капитала в Сибири: масштабы и последствия // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. № 1. Т. 3. С. 101–105.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекции 70-х гг. Варианты и заметки. ОПИ Ин-т Российской истории РАН. Ф. 4, оп. 1, ед. хр 1

Козлов В. А., Немировская А. В. Оценка собственного здоровья населением восточной Сибири и дальнего Востока // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов». 2014. С. 250–257.

Куцев Г. Ф. Молодежь и молодые города: монография / Москва: Молодая гвардия, 1977.

Куцев Г. Ф. Новые города: (социол. очерк на материалах Сибири) / Г. Ф. Куцев. – М.: Мысль, 1982. 269 с.

Куцев Г. Ф. Человек на Севере / Г. Ф. Куцев. – М.: Политиздат, 1989. 217 с.

Ломоносов М. В. О размножении и сохранении российского народа [Письмо к И. И. Шувалову от 1 ноября 1761 г.] / Сообщ. П. П. Пекарским // Русская старина, 1873. Т. 8. № 10. С. 563–580.

Мостовая Е. Б. Средний слой в составе населения Сибири // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов». 2014. С. 258–262.

Нефедкин В. И. Корпорации на территории: колонизация или локализация. ЭКО. 2013. № 8. С. 114 – 131.

Общая информация о Сибири [Электронный ресурс] koi.tspu.ru: [веб-сайт]. URL: http://koi.tspu.ru/koi_books/sudnitskaya/allifosibir.htm (дата обращения: 20.01.2020).

Простаков С. За XIX век в Сибирь были сосланы 800 тысяч человек [Электронный ресурс] // rusplt.ru: [веб-сайт]. URL: <https://rusplt.ru/fact/sibir-4153.html> (дата обращения: 18.01.2020).

Пузииков В. Г. Регион Сибирь: векторы социально-экономического развития // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2–14. – № 4(18). С.253–257.

Северная энциклопедия. М., 2004, С. 42

Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. Миграция населения в приграничных регионах Сибири/ С. В. Соболева, Н. Е. Смирнова, О. В. Чудаева // ЭКО. 2014. № 8. С. 18–31

Федеральная служба государственной статистики // [Электронный ресурс] gks.ru: [веб-сайт] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 30.01.2020).

Фёдоров Р. Ю., Ганопольский М. Г. Освоение Урала и Сибири как социокультурный процесс. Структура, коммуникации, ценности // LAP LAMBERT Academic Publishing Saarbruken, 2011. 133 с.

Шафранов-Куцев Г. Ф., Ефимова Г. З., Любимова Е. А., Семенов М. Ю.

Социально-профессиональный портрет учительства Ямало-Ненецкого автономного округа: Информационно-аналитический материал по итогам социологического исследования. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016. 168 с.

Югра – взгляд в будущее: обзор социально – экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / А. В. Филипенко [и др.]; составитель Л. М. Полухина. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2006. 384 с.